

Геннадий
СЕРДИТОВ

С М Е Х
по
пятницам

16+

Геннадий Дмитриевич Сердитов

Смех по пятницам

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39985492

SelfPub; 2018

Аннотация

Рассказы, в разные годы напечатанные во многих тонких и толстых журналах, испытанные временем и читателем. Под одной обложкой собрано три десятка рассказов, коротких и не очень, но всегда согретых тёплым юмором и доброй улыбкой автора. Их герои, порой незадачливые чудаки, озабоченно или беззаботно снующие вокруг – в офисе, в автобусе, на заводском дворе, в купе поезда, в хоккейной коробке, в кабинете зубного врача, в рюмочной... Читая, вы непременно улыбнётесь. А время, потраченное на улыбки, как известно, не входит в зачёт времени старения. Читайте и улыбайтесь на здоровье.

Любовь и Завертаев

Завертаев работал на телевидении. У него была такая работа – приставать на улице к прохожим. Это называлось «брать интервью». Бывало, объявит ему утром шеф тему, скажем, какой-нибудь «Кофе «Коко-Реко», а к вечеру у Завертаева уже всё сляпано-склёпано. Мельтешат на мониторе лица, рожи и рожицы. И все нахваливают этот самый «Коко-Реко». И пьют его, кто изящными чашечками с золочёными ручками, кто большими керамическими кружками, а кто и банками из-под консервов – и щеголеватый депутат, и красные как помидоры грузчики пивзавода «Балтика»; и длинноногая блондинка с кобылой в парке, и упитанный мальчик верхом на этой кобыле с блондинкой, и сама сивая кобыла Маня.

Да что там кобыла!... Завертаев своим языком мог раскрутить–расколоть на откровения даже гранитный шар на берегу Невы. И выведать, чем тот устраняет свои запоры, как борется с перхотью и какими прокладками спасается от прочих напастей.

И вот как-то раз, когда город, пыхтя и кашляя, перебирался из зимних сумерек в весенние насморки, Завертаеву объявили: «Любовь и любимые».

– Любимые что? – не понял тот. – «Средства от» или «По-зы для»?

– Не мудри, – сказал шеф. – Просто любимые. С большой

буквы. Сделай так, чтобы материал восьмого марта булькал в эфире: любовь, любовь, любовь...

И Завертаев сделал. Забрызганные, затюканные прохожие перед камерой вдруг заулыбались, запели куплеты, заговорили стихами. Старушка в ботах вспомнила какого-то счетовода Фёдорова, очкарик со скрипкой подмышкой и совковой лопатой на плече – свою учительницу пения. А юная врач-стоматолог из белого Бентли послала воздушный поцелуй одному весёлому деревенскому печнику...

Восьмого марта материал дали в эфир, и всё прошло на «ура». А вскоре Завертаев, оформляя в бухгалтерии какие-то бумаги, понял, что и сам неожиданно влюбился. В младшего бухгалтера Шурочку. Теперь и он готов был мяукать мартовским котом, каркать апрельской вороной и квакать майской лягушкой.

Тут его и вызвал шеф.

– Я влюбился! – выпалил с порога Завертаев.

– Понимаю, – сказал шеф и протянул ключи от квартиры. – К семи вечера чтоб вернул.

– Как ты можешь?! – оторопел Завертаев. – Я по-настоящему влюбился. Ну как ты можешь?...

– Прости, друже, я-то думал, что и ты ещё можешь – пожал плечами шеф. И ключи убрал.

Вечером Завертаев решил честно рассказать обо всём жене. Жена Вера напряжённо смотрела в телевизор, грызя семечки и сплёвывая шелуху в хрустальный стакан. На экране

какой-то дон Марселло гонялся с ножом за какой-то Изабеллой. Правда, гонялся как-то вяло, без огонька.

– Вера, я влюбился, – сообщил в спину жене Завертаев.

– Козёл, – выдохнула та. – Даже нормально зарезать не может эту стерву.

Завертаев зашёл со стороны телевизора и повторил:

– Вера, я влюбился.

– Пожалуйста, встань немного в сторону, – попросила жена. И сплюнула шелуху в хрустальный стакан. Завертаев поплёлся на кухню, попил чаю, позвонил сыну:

– Андрюша, поздравь меня, я, кажется, влюбился.

– Поздравляю, – сказал сын, что-то дожёвывая. И пропел: «Хорошо – быть молодым. За любовь к себе сражаться...». Кстати, забери завтра Алёшку из садика.

Наутро Завертаев решительно пошёл в бухгалтерию, вызвал Шурочку и сказал ей, краснея:

– Я вас люблю. – И неожиданно для себя бухнул – Поедете на Канарские острова!

– С обеда что ли? – спросила Шурочка, зябко кутаясь в мохнатый клетчатый шарф. – Вообще-то у меня вечером курсы.

После работы он бродил с внуком по скверу. Алёшка рассуждал:

– Я тоже на Новый Год влюбился. В Снегурочку. А потом

она на лестнице целовалась с пьяным Дедом Морозом. Я теперь в жизни никого не люблю.

– Да, – вздохнул Завертаев. – Жаль, когда мечта уходит.

А воробьи вокруг чирикали так громко, и стая собачек пробежала мимо так озабоченно, что он понял: весна. Пора снимать тёплое бельё. А то сопреешь.

Шутки на заборе

Мы с Морковкиным стояли у забора и читали объявления.

«Продаётся друг человека с поводком и намордником», «Доцент... в любой ВУЗ с гарантией. Обращаться в баню, спросить Федю из котельной», «Отдаётся собачка в хорошие руки», «Продаётся грудное молоко. Звонить по телефону... Спросить Виталия Павловича».

– Кровосос ты, а не Виталий Павлович, – сплюнул я. – Чтоб у тебя молоко пропало!

– Пишут, пишут, – хмыкнул Морковкин, – а ведь никто не читает.

Он вырвал листок из блокнота и вкривь – вкось написал: «ПрАпала кАза Милка. ПрАшу вИрнуть поадрИсу...», дописал свой адрес и пристроил листок на заборе. Я хотел написать «Меняю шило на мыло», но напряг извилины и выдал такую заборную миниатюру:

«СРОЧНО! Меняю самозаточное шило из комплекта «Сапатеро-Рапид» фирмы «Эшоп» со сменным жалом

«Бриллиант» и ручкой системы «Манго» на мыло, желатель-но фирмы «Диндон». Возможны варианты».

Домой я попал лишь к вечеру. В квартире пахло лекар-ством.

– Коля! – бросилась ко мне жена. – Какое шило?... На какое мыло?!

Она зарыдала, я замер.

– Весь день... звонки, звонки... Потом пришли эти... Оставили тебе кусок хозяйственного мыла. А из твоих желе-зок забрали шило... Я ничего не понимаю, Коля!

Зато я сразу всё понял. И от растерянности не мог раз-вязать шнурок на ботинке. Дедушкино шило... Златоустов-ской работы... Я им обычно распутывал шнурки... Теперь придётся их намыливать.

– И твой Морковкин туда же, – всхлипывала жена, – зво-нит и плетёт про какую-то козу... Она у него в лоджии стоит.

«Нашлась всё-таки Милка!» – подумал я с облегчением, сел на пол и развязал шнурок зубами.

Страшная клятва

Я, Мухрыстиков Павел Иванович, клянусь, что никогда в жизни, находясь в трезвом уме и полном здравии, больше не сяду добровольно в кресло к мастеру Раисе Горшковой в Салоне красоты «Одуванчик-Бьюти», если даже сторгят все

парикмахерские города, и мне придётся заплетать свои волосы в косы.

Если же я нарушу эту свою страшную клятву, то пусть от меня отвернутся все пассажиры в автобусе, пусть все прохожие на улице станут шархаться от меня, а молодые мамы – пугать мною своих детей. Пусть на почте по паспорту мне не выдадут денежный перевод. Пусть в пивном баре меня не признает Мишка Ермолаев. Пусть во дворе мимо меня пройдут, не узнав, сын Егор и любимая овчарка Найда. Пусть соседка Травиатта Митрофановна побоится подниматься со мной в лифте. Пусть жена Таня не пустит меня на порог собственной квартиры!...

Мухрыстиков слизнул со щеки горькую слезу и в отчаянии нажал кнопку звонка.

Жена Таня кинулась ему на шею.

– Где ты так долго был, Паша?! – и вдруг отшатнулась. – От тебя пахнет духами!!

– Я, Таня, это... Я в парикмахерской был... Стригся...

Таня внимательно посмотрела на него.

– И правда! Какой ты у меня теперь красивый и молодой! – и снова прильнула к мужу.

Пастушья диета

Краснощёкин с тоской смотрел в потрёпанную тетрадь и стучал по клавишам:

«Диета сицилийская. Понедельник. Утром – кофе без сахара. Днём – долька лимона без сахара...»

Эту тетрадь его жене Люсе дала на один день Анжелика Верблонская.

«...Вторник. Утром – три маслины без косточек, днём – один грецкий орех без скорлупы, вечером – одна креветка без панциря...»

Краснощёкин представил себе крутые обводы Анжелики Верблонской, улыбнулся и мысленно пожал руки авторам этих диет. И вдруг остановился. А его-то жене Люсе это зачем? Он сядет обедать, а она пристроится напротив с долькой лимона в зубах?

Краснощёкин содрогнулся. Потом внимательно перелистал тетрадь – все триста двадцать три диеты не сулили ему ничего хорошего. Он быстро убрал с экрана текст и принялся набирать новый, сочиняя на ходу:

«Диета пастушья. Понедельник. Утром – овсяная каша на козьем молоке, лепёшки с творогом, кумыс (можно заменить йогуртом). Днём – похлёбка пастушья мясная, хлеб с отрубями...»

Глотая слюнки, Краснощёкин быстро наполнил неделю вкусной и здоровой пищей, а в конце неожиданно приписал: «по вечерам – перегон стада (можно заменить часовой прогулкой с громким пением». А что? И он щедро пересыпал свою диету танцами у костра, игрой на дудке, щёлканьем кнута, созерцанием звёзд и сексом на копне сена...

Вскоре в их доме появились пастуший рожок, а на даче – кнут и копна сена.

Краснощёкин с женой Люсей стали подниматься чуть свет, обливаясь холодной водой, подолгу бродить по окрестностям, есть йогурт и громко петь песни. Люся на глазах помолодела. Ей звонили подружки, подружки её подруг, и она диктовала им его диету. Да и сам он почувствовал такой прилив сил, что Люся заказала на дачу ещё две копны сена, а сам он в один присест написал рассказ о том, как сочинил «пастушью диету».

Редактор Галина Ахметовна, прочитав рассказ, обрадовалась.

– Очень кстати! – Она кивнула на мешок с письмами в углу кабинета. – И это только за одну неделю. Все просят опубликовать какую-то «пастушью диету». Теперь напечатаем ваш рассказ и закроем эту тему.

Она вышла из-за стола, присела рядом с Краснощёкиным и попросила вполголоса:

– Голубчик, пожалуйста, подарите мне один экземплярчик вашей диеты, а?

Сингапурские трусы

Парафраз на миниатюру Н. Жильцова

Вышел Коля на крыльцо. Трусы на нём сингапурские. Во

всей деревне ни у кого таких нет. Ни в Москве нет, ни в Питере, ни в Елополе... Даже в Сингапуре и то, поди, нет. А у него есть!

Стоит Коля на крыльце, а вокруг – ни души.

«Что же, – думает, – так и стоять мне на крыльце в сингапурских трусах? На крыльце можно и в наших постоять, в семейных...»

Вскочил на велосипед и погнал за околицу. В поле бабы работают. Манька Мамонова разогнула спину:

– Никак Колька Жильцов катит?!... Лихой парень!

Бабы работу побросали, на Колю пялятся.

«Что, сингапурских трусов не видели? – радуется Коля, проносясь мимо. – Темнота деревенская!»

Доехав до опушки леса, спохватился:

– Мать честная, а трусы-то где же?!

Крепко выругался и погнал велосипед обратно.

Спасибо, ребята!

Финал. Проигрываем 4:5 и всего двадцать секунд до сирены. Вбрасывание. Хоп! Я подхватываю шайбу на крюк и врываюсь в их зону! Шайбу влево! Вправо! Вратарь мечется... Бросок! Гол!!! Ура-а-а!

Я бегу, подняв руки, вдоль ревущих трибун! Но разве далеко убежишь? Здоровяк Миша Пудов с ходу припечатывает меня к борту и лупит по каске! Следом врезаются Дремлюга

и Саня Буйлов. И тоже по каске... наотмашь... от радости... Звенит в ушах... Пытаюсь вздохнуть, но тут же вздрагиваю – это чей-то дружеский кулак достаёт до моей шеи...

Все наши уже здесь, вся скамейка – Батыр Молдобаев, Квадратов, Чугунов... Поздравляют... Сегодня уже в третий раз... И всё по голове... Спасибо, ребята... В команде у нас двадцать два крепыша... Спасибо... Трещит каска... Спасибо... Я больше люблю быть ассистентом... дирижёром атак... Спасибо... И ты, брат?!

Счёт 5:5 и семь секунд до сирены. Вбрасывание.

Хоп! Шайбу влево! Вправо! И... подальше, подальше от их ворот! Ну её, эту славу!

Здоровяк Миша Пудов с ходу лупит меня по каске! Следом врезаются остальные... За что?... Какой гол?! От конька защитника?... Его и бейте... тьфу, поздравляйте!... Я не хотел!

Спасибо, ребята... Спасибо... Спаси...

В гамаках

Вершина лета, отпуск, юг.

Паша Пичурин и Миша Булкин, плотно поужинав, разлеглись в гамаках.

– Хорошо-то как, Миша, – пропел Пичурин, почёсывая живот.

– Угу, – отозвался Булкин и отпил из плоской фляги.

– Я, Мишечка, раньше парусом занимался. Бывало, вымокнешь как старая медуза. Да ещё на крутой волне страху натерпишься.

– Парус – это для отпетых, – сказал Булкин. – А я по молодости велосипед крутил. Потом Надя сказала: или я, или велосипед.

– Надька лучше, – рассудил Пичурин. Булкин улыбнулся.

– Она в больнице работала. А я с этим велосипедом в гипсе лежал.

– Тоже опасный спорт, – вздохнул Пичурин.

– А городки? – Булкин ещё раз глотнул из фляги. – Чуть зазевался – и по ногам палкой!

– По ногам или по зубам, – согласился Пичурин. – Мой сосед даже в шахматном клубе схлопотал доской по лысине.

– Доской?! – восхитился Булкин.

– Шахматной доской. Вернее, шахматным столиком... Зато он играть лучше стал. Но без каски играть теперь не садится.

– Поумнел, значит. – Булкин протянул Пичурину флягу. – На, глотни.

– Хватит лакать, – зевнул тот. – Оставь на утро.

– У нас там ещё полканистры, – успокоил его Булкин, но флягу с водой убрал.

Потом выскреб из бороды сосульку и швырнул её вниз. И пока она летела к далёкому леднику, друзья разложили на

животах под свитерами сырые носки на просушку и заснули крепким сном счастливых людей.

Потому что был юг, отпуск и вершина.

Цыганка

Человек в выцветшем спортивном костюме и стоптанных кроссовках дремал на скамейке под пальмой. Он уже не был старшим инструктором альпинистского лагеря «Торпедо» Ваню Шаруда, но пока ещё и не стал старшим экономистом Елопольской базы «Заготскот» Иваном Филатычем. Он был где-то между этими двумя своими ипостасями, как говорится, на полпути, а если точнее – сидел под черноморской субтропической пальмой, одурев от жары и безделья. До самолёта оставались ещё целые сутки, а ему уже не хотелось ни моря, ни фруктов, ни сухих вин. Иногда, отыскав глазами далёкие горы, он вспоминал своих бородатых друзей, недавние лихие восхождения, холодные ночёвки в гамаках на скальных стенах, и вздыхал ещё тяжелее.

– Ай, кто тебя опоил женский кровью, кто тебе порча делал? – услышал он над собой вкрадчивый женский голос и приоткрыл одно веко.

Бусы, монисто, цветастые юбки, шали, босые ноги... Ваня Шаруда всегда избегал цыганок.

– Проходи, денег не дам, – выдавил он из себя и опустил

веко.

– Денег не надо, я тебя так от плохой крови избавлю, – цыганка наклонилась к нему, – дай только рубль на дети.

«А ведь не отстанет», – решил Ваня и достал первую попавшуюся монету.

– Ты не пожалел два рубля на дети! Ты добрый человек! – запричитала цыганка. – Теперь я скажу тебе, как от плохой крови избавиться.

Ваня и вздрогнуть не успел, как она выдернула волос из его и так не очень богатой причёски. «Считанная волосина», – вздохнул он. А цыганка уже протянула волос между крепкими коричневыми ногтями, закрутив его в мелкие колечки.

– Ай – ай – ай, совсем плохо! Будешь с женщиной позориться, совсем обмякнешь. Я тебе так сделаю, всю жизнь благодарить будешь. Заверни этот волос в бумажную деньгу, он кровью покроется. Деньгу эту сразу потрать!

«Чёрт те что, – подумал Ваня. – Волос с кровью... Ерунда какая-то... Впрочем, действительно, что-то я обмяк в последние дни... Пусть гадают, может, скуку разгонит... Тем более, что денег не берёт».

Достал пятидесятирублёвую бумажку, потянулся за волосом.

– Стой! – Тебе нельзя в руки брать! Сама заверну.

Вложила волос в синюю бумажку, смяла её в какой-то немыслимый комок, зажала в кулак.

– Плюнь на деньгу! Скажи: чёрт...

– Ну, чёрт...

– ...отпусти мою...

– Ну, отпусти мою...

– ...кровь!

– Ну, кровь...

– Ещё раз плюнь! Скажи, сколько тебе за мой работа не жалко?

– Что не жалко? – не понял Ваня.

– За мой работа, что я тебя от порчи спасала, сколько не жалко?

– Иди-ка ты... Гони назад пятьдесят рублей, – заволновался Ваня.

– Ты не позорься, иначе я тебе так сделаю, что плохо твоему нижнему телу будет, совсем позор...

– Я тебе два рубля на детей давал? Гони пятьдесят рублей!

– Тьфу! – разжала ладонь. Денег нет.

«Плакала моя денежка, – обмер Ваня. – Она её уже давно куда-то втёрла! Ведьма! Да это же почти бутылка «Кахети»!

А цыганка тараторит:

– Деньги за работа давай! Дети твои совсем гнилые будут. Самому с женщинами позор большой будет. Совсем пропадёшь!

«Ей ещё и деньги давай... Вот ведьма!... Тридцать лет прожил, всегда от них шараялся и на тебе... А всё потому, что голова отдыхала. Пора включать голову, снова ста-

новиться старшим экономистом Иваном Филатычем».

И вдруг осенило: она же корчит из себя ведунью, хозяйку темных уголков сознания, сама должна верить во всякую чушь... Без этого её бизнес не заваришь... Значит, сама должна бояться непонятных заклинаний!

– Не вернёшь деньги, я прокляну и тебя и весь твой табор! Всех твоих ромалэ и чявалэ с потрохами!

Ваня припомнил страшные альпинистские байки, которыми в горах пугают новичков у костра. И сказал:

– Ты обидела Чёрного Альпиниста, Джантуганского Человека и Эльбрусскую Деву! Мундус универзус экзерцет гистрионен!

Он закатил глаза, воздел руки к пыльным листьям пальмы и запричитал загробным голосом, вспоминая названия горных вершин: Донгузорун–Гичи–Чегет–Карабаши... Сулахат, Софруджу, Гумачи, Кичкидар! Развернитесь чёрные Каракая, Шхельда, Джугутурлючат!...

Цыганка притихла, в её глазах появилось любопытство, а потом и замешательство.

А Ваню понесло, он перескочил с названий гор на формы горного рельефа:

– Чёрная мульда, Серый бергшрунд, Кровавый рант-кдюфт!

Он искоса глянул на цыганку, заметил некоторый испуг в её чёрных глазах и продолжил пугать:

– Ушба! Домбай-Ульген! Бу-Ульген! Кичкидар! Хицан!

Сонгути!...

И вдруг неожиданно визгливо крикнул:

– Деньги давай! Я столько уже наговорил, что без денег тебя не отмыть!

– Отпусти, – захныкала гадалка. – Я тебя от порчи спасала, хорошо твоему нижнему телу делала...

Но Ваня был неумолим.

– Велфер! Абвер! Хайрез! Косплей! Урби эт орби!...
Деньги гони!

Ему в руки уже перешла сильно помятая его пятидесятирублёвая купюра, и его же двухрублёвая монета, и ещё монеты – рублёвые, пяти- и десятирублёвые, и даже один жетон московского метро. Ваня обмяк и уже миролюбиво сказал:

– Флэшмоб, лайфхак, кэш-флоу... Дуй отсюда, пока не передумал!

Цыганка, подобрав цветастые юбки, что-то бормоча и оглядываясь, засеменила прочь. С соседней скамейки на Ваню с любопытством смотрел какой-то здоровяк в белой бейсболке и с таким же белым незагорелым лицом. Ваня шагнул к нему:

– Слышь, красивый, давай погадаю!

Здоровяк вскочил и заспешил прочь.

– Стой, что скажу! – лениво крикнул вслед ему Ваня. И побрёл по аллее, оценивающе разглядывая прохожих.

Жара начала спадать.

Ключ

Я сошёл с электрички на станции Малоузубово и сразу же увидел эту вывеску. Крупные буквы кукарекали на всю площадь:

«СМОЛКА ЛЫЖ. ВСТАВКА МОЛНИЙ, КЛЮЧИ СРОЧНО».

Под бумажником у меня засвербило: «А вдруг?»

Я достал заветный хитрый ключик и сунулся в окошко:

– Такой можете сделать?

Я заранее знал, что не могут. Как не могли в Марселе, в Монреале, в Мельбурне и даже в Мышьегорске. Большая рука, украшенная якорями и афоризмами, приняла ключ. Красивый бас спросил:

– Сколько штук будем делать?

Я собирался сказать «три», но от неожиданности выкрикнул фальцетом:

– Шесть!

– Учти, голубь, ручная работа.

– Всё равно шесть! – горячился я, всё ещё не веря в удачу.

Там что-то зажужжало, я крикнул:

– Когда будет готово?

– Сейчас.

– Мне сейчас не надо, я завтра зайду.

Жужжать перестало, высунулась рука, погрозила мне пальцем.

– Такие деньги берём за присутствие заказчика. Так что стой спокойно на якоре и присутствуй.

Воробьи в луже терзали арбузную корку. Бледнолицые торговки клюквой перекидывались шутками с чернявыми продавцами арбузов и дынь. Тут из-за угла вывернул мой автобус. Я кинулся к окошку:

– Я завтра зайду!

– Уже готово, голубь, где ты порхаешь?

Я суетливо сунул в окошко деньги, схватил тёплые блестящие ключи и бросился к автобусу. Окошко рывкнуло:

– А сдача?!

И я вернулся.

В автобусе раскрыл газету, да читать не могу, всё соображаю, где же я опростоволосился?

Достал ключи, сложил стопкой, наложил сверху свой родной – совпадают, не придерёшься.

«Всё равно, – думаю, – где-то схалтурил. Наверное, заусенцы не снял».

Снова сложил газету, достал ключи. Никаких заусенцев. На всякий случай попробовал на зуб – крепкие. На вкус – железные.

Целый день хожу, сообразить не могу, где же меня надули. В первой же мастерской показал ключ мастеру. Услышал привычное:

– Извините, таких не делаем.

Через неделю приезжаю домой и сразу с ключами к хит-

рому замку. Щёлкает, как новенький. Правда, старый ключ, как и раньше, немного заедает. Мистика какая-то!

Так я до сих пор и не знаю, в чём же меня провели. Но докопаюсь обязательно.

Чистые болты

Конструктор третьей категории Борис Кукунин вторую неделю сидел в командировке на Елопольском Заводе барашковых гаек. «Сидел» – это так принято говорить. Боря же носился по всем цехам и службам завода, выбивая эти хитрые барашковые гайки для одного сверхважного стенда по испытанию космических аппаратов.

Тут ему и позвонил из Москвы Копалыч, его начальник.

– Ещё не совсем проигрался там в преферанс? – по-отечески тепло пошутил начальник.

Боря попытался рассказать ему о трудностях с барашковыми гайками, но Копалыч перебил его:

– Да плюнь ты на эти барашки! Мы их уже заменили на обычные гайки. А к тебе вот какая просьба. Разыщи там в Елополе Завод чистых болтов. Записал? И выпроси у них десяток болтов М10 из тех, что они гонят на экспорт. Мы все надеемся на тебя. Особенно Генеральный.

– Что?... И Все... И Все... И Всеволод Васильевич тоже? – испуганно переспросил Боря.

– Да. Особенно он, – подтвердил Копалыч. – Не подведи.

В проходной Завода чистых болтов скучала пожилая вах-тёрша.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.